

МИХАИЛ В. МАСЛОВСКИЙ

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

ORCID: 0000-0002-1323-0935

Веберовский анализ плебисцитарного господства и дискуссия о множественных модернах

doi: 10.22394/2074-0492-2020-4-107-122

Резюме:

В статье рассматривается разработанная Максом Вебером модель плебисцитарного господства. Выделяются исторические примеры плебисцитарной демократии в эпоху модерна. Показано, что в трудах Вебера не проводится четкое различие между плебисцитарной демократией и диктатурой. Однако, как демонстрирует С. Бройер, последовательное проведение такого различия позволяет расширить сферу применения концепции плебисцитарного господства. Неоднократно отмечалось, что плебисцитарные черты присутствовали в политической жизни ряда западных стран, модернизация которых рассматривалась с точки зрения концепции множественных модернов. Тем не менее, хотя данная концепция продолжает веберовскую социологическую традицию, ее представители, как правило, не использовали модель плебисцитарного господства. Ш. Эйзенштадт в своем анализе цивилизационных оснований различных типов модерна опирается главным образом на положения веберовской социологии религии. Обращаясь к примерам Индии и стран Латинской Америки, Эйзенштадт выделяет, прежде всего, влияние цивилизационного наследия на политические процессы. В отличие от этого П. Вагнер обсуждает с точки зрения значения для теорий модерна веберовский тезис о рационализации и концепцию капитализма, но не модели политической социологии Вебера. Характеризуя процессы демократизации в Бразилии и Южной Африке, Вагнер делает акцент на прогрессивном характере происходящих изменений, не допуская возможности обращения вспять этих процессов. С точки зрения автора статьи, современная реконструкция предложенной Вебером модели плебисцитарного господства позволяет дополнить анализ демократизации

107

Масловский Михаил Валентинович — доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург. Научные интересы: современные социологические теории, историческая социология, политическая социология. E-mail: m.maslovskiy@socinst.ru

в незападных обществах, который осуществлялся с позиций концепции множественных модернов.

Ключевые слова: Макс Вебер, политическая социология, плебисцитарное господство, множественные модерны, демократизация

Mikhail V. Maslovskiy

Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia

Max Weber's Analysis of Plebiscitary Leadership and the Debate on Multiple Modernities

Abstract:

The article considers Max Weber's model of plebiscitary leadership and historical examples of plebiscitary democracy. It is argued that there is no clear distinction between plebiscitary democracy and dictatorship in Weber's writings. As Stefan Breuer demonstrates, such a distinction allows us to broaden the application of Weberian concepts. Plebiscitary elements can be seen in the political life of non-Western states, which have been discussed from the multiple modernities perspective. However, while that perspective develops the Weberian sociological tradition, its representatives mostly do not use the concept of plebiscitary leadership. Thus, Shmuel Eisenstadt draws primarily on Weber's sociology of religion in his analysis of different types of modernity. Specifically, Eisenstadt considers the impact of civilizational legacies on political processes in India and Latin America. Peter Wagner discusses the relevance of Weber's rationalization thesis and theory of capitalism rather than the concepts of Weberian political sociology. In his study of democratization in Brazil and South Africa, Wagner emphasizes the progressive character of political changes but does not consider the possibility of a reversal of these processes. The article argues that the contemporary reconstruction of Weber's model of plebiscitary leadership can complement the analyses of democratization in non-Western societies from the multiple modernities perspective.

Keywords: Max Weber, political sociology, plebiscitary leadership, multiple modernities, democratization

108

В политической социологии Макса Вебера проблема легитимности демократического режима не являлась одной из центральных. Хотя Вебер рассматривал возможность дополнения выделенных им трех типов легитимного господства четвертым типом,

Mikhail V. Maslovskiy — Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Lead researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, St.-Petersburg. Research interests: contemporary sociological theories, historical sociology, political sociology. E-mail: m.maslovskiy@socinst.ru

формально основанным на воле управляемых, в конечном итоге он отказался от этой идеи [Greuer 1998: 2]. Вместе с тем Вебер анализировал различные формы демократического режима: прямую демократию, представительное правление, плебисцитарную демократию. Он продемонстрировал особенности указанных форм, а также ограничения, с которыми сталкивалась каждая из них. В интерпретациях веберовской политической социологии наибольшее внимание, как правило, уделялось модели плебисцитарной демократии [Beetham 1985; Eliaeson 1998; Pfaff 2002; Моммзен 2004].

В настоящее время наблюдается значительный рост исследовательского интереса к концепции плебисцитарной демократии. Этому во многом способствовали такие явления и события, как распространение правого популизма в европейских государствах, Брексит, избрание Д. Трампа президентом США. Плебисцитарные черты современных политических режимов обсуждались также на примере посткоммунистических государств, в том числе России и Венгрии [Медушевский 2018; Kögösenyi et al. 2020]. Но основное внимание до недавних пор уделялось плебисцитарной политике в ряде развивающихся стран. Процессы политической модернизации в таких странах рассматривались также с позиций концепции множественных модернов. Однако, несмотря на очевидное влияние веберовских идей на данную концепцию, ее представители, как правило, не обращались к понятию плебисцитарного господства. По-видимому, существует потребность в преодолении разрыва между теоретическими моделями веберовской социологии и их современными реконструкциями, с одной стороны, и различными версиями концепции множественных модернов — с другой.

109

Концепция плебисцитарного господства и ее современные интерпретации

Согласно Веберу [2016: 303], плебисцитарное господство «существует повсюду, где господин ощущает себя легитимным доверенным лицом *масс* и признан таковым». Немецкий социолог рассматривает плебисцитарную демократию как разновидность харизматического господства, которая скрывается «в *форме* дарованной волей подданных и только благодаря ей существующей легитимности» [Там же: 304]. Основные носители такого рода господства — «диктаторы античных и современных революций», которые ищут легитимности «на путях плебисцитарного признания суверенным народом» [Там же: 304]. Историческими примерами плебисцитарной демократии в эпоху Нового времени служили для Вебера режимы Кромвеля, Робеспьера, Наполеона I и Наполеона III. Таким образом, с точки зрения оснований легитимности власти, Вебер относил к одному

и тому же типу якобинскую диктатуру и бонапартистские режимы.

В условиях плебисцитарной демократии легитимность лидера в значительной степени определяется успехом его деятельности. Такой лидер может консолидировать свою власть с помощью достижения военной славы либо путем повышения материального благосостояния своих подданных, «а при возможности — комбинацией того и другого» [Там же: 305]. Как подчеркивает немецкий социолог, власть лидера во многом зависит от веры последователей в его личные качества. Плебисцитарную демократию отличает эмоциональный характер преданности вождю, в результате чего возникает «склонность следовать как за вождем за каждым, кто предлагает необыкновенные, многообещающие, воодушевляющие решения» [Там же: 305].

При обсуждении концепции плебисцитарного господства чаще всего вспоминают не обращение Вебера к примерам якобинской диктатуры и бонапартистских режимов, а его анализ возрастания роли плебисцитарного компонента в британской демократии в последней трети XIX века [Beetham 1985; Eliaeson 1998]. Именно политическая жизнь Великобритании рассматривалась Вебером в качестве основного примера успешного соединения партийной «машины» и харизматического лидерства, прежде всего, в лице У. Гладстона. Как утверждал Вебер, в рамках британской политической системы того времени «над парламентом возвышается фактически плебисцитарный диктатор, который посредством “машины” увлекает за собой массы» [Вебер 1990: 680].

110

Не ограничившись анализом ранее существовавших форм плебисцитарного господства, Вебер выдвинул тезис о том, что сложившаяся в современной ему Германии бюрократическая система управления также должна была быть дополнена харизматическим элементом в лице плебисцитарного лидера. После поражения страны в мировой войне и крушения монархии, когда не оправдались надежды на создание сильного парламента, он стал отстаивать идею необходимости избрания главы государства всенародным голосованием [Weber 1994]. Согласно Веберу, плебисцитарный лидер должен иметь собственный источник легитимности и обладать возможностью обращаться к народу, минуя парламент. Вместе с тем Вебер расценивал «как сравнительно незначительную опасность того, что демократическое правление “вождя”, получившего легитимность в результате плебисцита, может обернуться диктатурой» [Моммзен 2004: 77]. По мнению социолога, основная угроза для демократических институтов исходила со стороны бюрократических структур.

Веберовский проект усиления плебисцитарного компонента в политической системе Германии особенно широко обсуждался в последующей политологии и политической социологии. В ходе такого обсуждения давалась весьма неоднозначная оценка как дан-

ному проекту, так и модели плебисцитарной демократии в целом. С точки зрения В. Моммзена, эта модель отразила «антиномичный» характер политической мысли Вебера. «В свете последующего исторического опыта нельзя не признать спорной теорию демократии, которая чрезмерно подчеркивает роль политического лидера в противоположность массе граждан. Такая теория не обладала иммунитетом против того, чтобы быть интерпретированной в авторитарном, даже профашистском духе, как показал пример Р. Михельса, оправдывавшего свою поддержку режима Муссолини ссылками на веберовскую концепцию харизматического лидерства. Но в то же время не следует забывать, что сам Вебер отнюдь не собирался истолковывать свою концепцию подобным образом» [Там же: 79].

Отмечалось также, что модель плебисцитарной демократии, представленная в трудах Вебера, требует реконструкции. Как полагает С. Бройер, необходимо учитывать различия между плебисцитарной демократией и плебисцитарной диктатурой, а также между разными формами такой диктатуры. Если ограничиться случаями, когда харизматический лидер был избран в ходе всенародных выборов, а не использовал плебисцит уже после насильственного захвата власти, то из рассмотренных Вебером исторических примеров к типу плебисцитарной демократии относится только французская Вторая республика: от избрания Луи Бонапарта на пост президента в 1848 г. до осуществленного им государственного переворота 2 декабря 1851 г. [Breuer 1998: 8].

111

Определенные черты плебисцитарной демократии неизменно присутствуют в президентских и полупрезидентских республиках. В частности, Вебер [1990: 680-685] отмечал усиление плебисцитарных элементов в американской демократии, что было в значительной мере обусловлено изменением структуры политических партий и формированием партийных «машин». Тем не менее США не приближались к чистому типу плебисцитарной демократии, поскольку там сложилась система разделения властей, которая уравновешивала власть президента. Примерами демократического режима с явно выраженными плебисцитарными элементами выступают также Веймарская республика в Германии и французская Пятая республика. В последней четверти XX века президентские и полупрезидентские режимы получили широкое распространение в ходе демократизации в странах Азии и Латинской Америки.

Хронологически наиболее близким к Веберу из известных ему примеров плебисцитарной диктатуры выступает Вторая империя во Франции. Характерно, что в годы правления Луи Наполеона Бонапарта было проведено три плебисцита, по итогам которых была высказана поддержка изменений в конституции (1851 г.), установления империи (1852 г.) и частичной либерализации политическо-

го режима уже накануне его крушения (1870 г.). Вместе с тем, как указывает С. Бройер, не следует ставить знак равенства между бо-напартистским режимом и последующими диктатурами, особенно фашистскими. Луи Наполеон Бонапарт не обладал собственной харизмой, но использовал миф, созданный Наполеоном I. При этом в распоряжении правителя Второй империи не было собственной «харизматической партии», и он вынужден был опираться в первую очередь на государственный аппарат [Greuer 1998: 10].

Основываясь на понятиях веберовской политической социологии, Бройер [Greuer 2008] предлагает также идеально-типическую модель фашистского режима. Он рассматривает фашизм как феномен, связанный с деятельностью современных массовых партий. В качестве минимального набора черт такого режима Бройер выделяет опору на силовые структуры, харизматическое лидерство, систему патронажа и партийную идеологию крайне правого толка. По его мнению, каждая из указанных характеристик в отдельности может встречаться в партиях другого типа, но их сочетание является специфическим для фашизма. В качестве наиболее значимых черт он выделяет опору на силовые структуры и харизматическое лидерство. В то же время Бройер подчеркивает искусственный, сфабрикованный характер харизмы «вождей» итальянского и немецкого фашизма [Ibid.: 22]. Однако в большинстве случаев плебисцитарные диктатуры не обладали полным набором характеристик фашистского режима.

112

Переход от плебисцитарной демократии к диктатуре неоднократно наблюдался в XX столетии в странах с персонализированной политической системой и недостаточным влиянием партий и парламента. Как отмечает в данной связи Р. Коллинз [Collins 1998: 30], массовое голосование без должного развития политических институтов «обычно создавало неустойчивые и недолговечные плебисцитарные режимы, периодически соскальзывающие в автократию». Многочисленные примеры такого рода встречаются в истории стран Латинской Америки. Так, в Бразилии в 1930-е годы произошел переход от демократии к диктаторскому «Новому государству» Ж. Варгаса. Плебисцитарные диктатуры сложились и в ряде азиатских стран, в частности, в Индонезии при Сукарно в период так называемой «направляемой демократии» с 1957 г. После распада СССР этот список дополнили некоторые бывшие советские республики.

Демократизация в контексте множественных модернов: версия Шмуэля Эйзенштадта

Концепция множественных модернов сформировалась как направление исторической социологии, но она оказала влияние и на исследования трансформационных процессов в современных обще-

ствах с позиций социологии религии и политической социологии. В целом это направление отличает неовеберианский подход к политической власти, которая рассматривается с точки зрения социокультурных оснований ее легитимности [Spohn 2010: 53]. Данная концепция обращает основное внимание на культурные противоречия, а не на конфликт материальных интересов. В то же время подчеркивается, что «различные цивилизационные основания и рамки порождают разнообразные программы политического модерна и процессы политической модернизации» [Ibid.: 60].

Ведущий представитель указанного направления Ш. Эйзенштадт первоначально ориентировался на функционалистскую теорию, но на него оказали влияние идеи М. Вебера, в особенности веберовский анализ харизматического господства. В своем сравнительном исследовании цивилизаций Эйзенштадт во многом опирается на веберовскую социологию мировых религий, тогда как понятия политической социологии Вебера в данном случае оказываются для него не столь значимыми [Eisenstadt 2003]. Особый интерес для политической социологии представляет проведенный Эйзенштадтом анализ цивилизационных предпосылок и динамики различных типов современного общества. Согласно Эйзенштадту, проникновение в незападные общества культурных и институциональных образцов, сложившихся в рамках западной цивилизации, предполагало постоянный отбор таких образцов, что сопровождалось их новой интерпретацией. При этом изменения в современных обществах были связаны как с их внутренней динамикой, так и с борьбой между основными центрами политической и экономической власти в пределах европейской цивилизации, а затем и между разными типами модерна.

113

Эйзенштадт обращает значительное внимание на развитие демократических политических институтов в процессе модернизации. Однако он утверждает, что демократизация не предполагает универсального распространения западных политических форм. Этот социолог указывает на противоречия и антиномии процесса демократизации [Eisenstadt 1997], а также подчеркивает разнообразие возникающих в его результате типов демократического режима. Данный подход является особенно релевантным для анализа демократизации в незападных обществах. Примером неевропейской формы демократии выступает для Эйзенштадта, в частности, политический строй, сложившийся в постколониальной Индии.

Согласно Эйзенштадту, сохранение конституционной демократии в Индии с середины XX века стало исключительным достижением, которое может быть объяснено лишь сочетанием собственно индийских и западных источников. Прежде всего, Эйзенштадт рассматривает цивилизационные предпосылки и исторический опыт обществ, из которых сложилась современная Индия. Он дает общую

характеристику различных религиозных течений и их взаимоотношений с политической сферой, а также роли институтов, сформировавшихся в колониальный период [Eisenstadt 2003: 786–807]. Как отмечает Й. Арнасон, Индия представляла собой наиболее оригинальную и сложную цивилизацию, имевшую столь длительный опыт прямого европейского правления. Развивая подход Эйзенштадта, Арнасон делает акцент на процессах межцивилизационного взаимодействия. В случае индо-британского взаимодействия «рефлексивный ответ» с индийской стороны получил выражение в «реконструкции индийских традиций, которой способствовала апроприация элементов западной культуры» [Арнасон 2015: 115].

В целом концепция множественных модернов позволяет выделить социокультурные основания демократизации в Индии, но для анализа данного процесса могут быть использованы и элементы веберовской концепции плебисцитарного господства. С одной стороны, в Индии сложилась система парламентской демократии, в меньшей степени обладающая плебисцитарными характеристиками, чем президентская республика. С другой стороны, период правления Джавахарлала Неру (1947–1964) был отмечен чертами плебисцитарной демократии. Индийские политологи указывали также на плебисцитарный характер режима Индиры Ганди [Chakrabarty 2008: 62–63]. В годы ее правления в развитии страны сохранялись авторитарные тенденции, воплотившиеся в режиме чрезвычайного положения в 1975–1977-х годах. Однако угроза перехода к полномасштабной диктатуре не была реализована. В конечном итоге партия Индийский национальный конгресс, возглавляемая Индирой Ганди, потерпела поражение на очередных выборах, но это не помешало ей вернуться к власти демократическим путем в 1980 г. В данном случае проявилась своего рода индийская исключительность, поскольку переход от демократии к авторитаризму был распространенным явлением в развивающихся странах в тот период.

Рост авторитарных тенденций вновь наблюдается в индийской политической жизни в последние несколько лет. Эти тенденции обозначились с приходом к власти в 2014 г. националистической Бхаратия джаната парти, возглавляемой Нарендрой Моди, и еще более усилились после переизбрания Моди на пост премьер-министра по итогам парламентских выборов 2019 г. Отмечалось, что правящая партия отказалась от «какой-либо видимости поддержки закрепленной в конституции Индии приверженности ценностям секуляризма, политического плюрализма и интеллектуальной свободы» [Ganguly 2020: 193]. Движение Индии в направлении индуистского «цивилизационного государства», казалось бы, является подтверждением тезиса Эйзенштадта о сохраняющемся значении цивилизационного наследия в ходе политической модернизации.

Однако следует учитывать инструментальное использование цивилизационной риторики правящими элитами такого рода государств. В то же время можно говорить о существенном усилении плебисцитарного компонента в индийской политике.

Другим примером политической модернизации, выделенным Эйзенштадтом, выступают государства Латинской Америки. В данном случае израильский социолог указывал на социокультурные препятствия для процесса демократизации. Эйзенштадт подчеркивал различия между двумя американскими версиями модерна: Соединенными Штатами и Латинской Америкой. По его мнению, социокультурные основания этих разновидностей модерна были заложены соответственно протестантизмом и католической Контрреформацией. Если протестантизм поддерживал распространение идей эгалитаризма, то идеология Контрреформации способствовала сохранению иерархических структур и монополии католической церкви на распоряжение «средствами спасения». При этом в латиноамериканских обществах акцент на иерархическом принципе был более выражен, чем в европейских католических странах. Согласно Эйзенштадту [Eisenstadt 2002: 50], важнейшей социально-политической трансформацией в Латинской Америке стала «кристаллизация патримониального государства».

115

В политологической литературе политические режимы ряда латиноамериканских стран в XX столетии характеризовались как неопатримониальные. Тем не менее, по мнению С. Бройера, с позиций веберовской социологии более уместно говорить о колебаниях между плебисцитарной демократией и диктатурой в латиноамериканском «каудилизме», опиравшемся на контроль харизматического лидера над армией и государственным аппаратом. Кроме того, такого рода режимы широко использовали популистские стратегии. Как отмечает Бройер [Breuer 1998: 11], это было особенно характерно для режимов Х. Перона в Аргентине и Ж. Варгаса в Бразилии.

Предложенный Эйзенштадтом анализ латиноамериканского модерна широко обсуждался представителями исторической социологии. Как полагают А. Мота и Дж. Деланти, цивилизационная теория Эйзенштадта не позволяет объяснить особенности политической модернизации Бразилии, которая была обусловлена трансформационными процессами более позднего происхождения, начавшимися по крайней мере в конце XIX века. С такой точки зрения, ключевое значение имела не изначальная культурная программа определенной религиозной традиции, а скорее процессы межкультурного взаимодействия и связанные с такого рода взаимодействием проекты политических элит [Mota, Delanty 2015]. Вместе с тем Мота и Деланти готовы согласиться с Эйзенштадтом в вопросе о роли католической церкви в длительном сохранении иерархического социального порядка.

Влияние католической церкви на демократизацию латиноамериканских обществ рассматривает Х. Казанова, который также ориентируется на концепцию множественных модернов. Как указывает этот исследователь, в течение долгого времени католицизм расценивался как «антимодернистская фундаменталистская религия» [Casanova 2011: 260]. Однако в ходе «третьей волны» демократизации с середины 1970-х годов католические страны составили две трети из примерно тридцати государств, осуществивших успешный демократический транзит. В этот период католическая церковь сыграла существенную роль в формировании новых ассоциаций гражданского общества в странах Латинской Америки. С точки зрения Казановы, такое развитие событий в значительной степени явилось результатом политики обновления католической церкви и адаптации к реалиям современного мира (*aggiornamento*), сформулированной на II Ватиканском соборе (1962–1965). В конечном итоге «сакрализация современного дискурса прав человека со стороны церкви явилась важнейшим фактором мобилизации ресурсов католицизма для перехода к демократии» [Ibid.: 262]. Это в полной мере проявилось и в ходе демократизации в Бразилии в 1980-е годы.

116

Следует отметить также, что в последние годы на политическую жизнь бразильского общества оказывало влияние изменение конфессионального состава населения, связанное с существенным ростом числа последователей различных течений протестантизма, в особенности пятидесятничества. Политические последствия данного процесса различным образом оценивались исследователями. С одной стороны, отмечалось, что «корпоративистская» структура пятидесятнических церквей порождает скорее авторитарную политическую культуру. С другой стороны, выделялось формирование социальной среды, способствующей росту горизонтальных связей и развитию лидерских качеств членов протестантских общин [Freston 2004]. Однако следует учитывать, что бразильские протестанты, составляющие уже около четверти избирателей страны, на президентских выборах 2018 г. в подавляющем большинстве проголосовали за правопопулистского политика Ж. Болсонару [Hunter, Power 2019: 77]. Но в любом случае вопросы о влиянии цивилизационного наследия различных религиозных традиций на политические процессы в странах американского континента, поставленные Эйзенштадтом, требуют дальнейшего обсуждения.

Демократизация в контексте множественных модернов: версия Петера Вагнера

В одной из новейших работ немецкого социолога П. Вагнера дается оценка значения веберовских идей для теорий модерна. С одной стороны, Вебер внес вклад в формирование «базового понятия

модерна» [Вагнер 2019: 215], получившего развитие в социологии модернизации в духе Т. Парсонса. С другой стороны, веберовское наследие оказалось созвучным новым теоретическим подходам, в том числе концепции множественных модернов Ш. Эйзенштадта. Как подчеркивает Вагнер, Вебер не рассматривал современный ему тип модерна как нечто долговременное и стабильное. Однако ряд последующих теоретиков, включая Т. Парсонса и Ю. Хабермаса, не учитывали в полной мере амбивалентность идей Вебера и «опыт хрупкости модерна в Европе в первой половине XX века» [Там же: 222]. В то же время для анализа альтернативной коммунистической версии модерна более успешным оказался «поствеберовский» подход, предложенный Й. Арнасоном [Maslovskiy 2019: 178-182]. Но следует отметить, что Вагнер обсуждает с точки зрения значения для сегодняшних теорий модерна, прежде всего, веберовский тезис о рационализации и концепцию капитализма, тогда как модели политической социологии Вебера практически не упоминаются им в данном контексте.

В широком спектре теоретических подходов, развивающих идею множественных модернов, концепции Эйзенштадта и Вагнера относятся к противоположным полюсам. Если Эйзенштадт делал акцент на роли цивилизационного наследия в политической модернизации незападных обществ, подчеркивая «зависимость от колеи» предшествующего развития, то Вагнер не считает необходимым использовать понятие цивилизации, рассматривая модерн как «опыт и интерпретацию». По мнению Вагнера, цивилизационный подход преувеличивает степень преемственности в развитии обществ и не уделяет должного внимания процессам социальных изменений в современном мире. Признавая определенные преимущества цивилизационного анализа применительно к странам Южной и Восточной Азии, немецкий социолог сомневается в плодотворности его использования для изучения «обществ переселенцев», как страны Латинской Америки. В противовес понятию цивилизации он использует понятие «социетального самопонимания». Как указывает Вагнер [Wagner 2011: 95], «новые общества», в том числе латиноамериканские, сформировали собственные способы обращения с проблематикой модерна.

Согласно Вагнеру, недавнюю историю и сегодняшнюю ситуацию в мире можно оценивать сквозь призму интерпретаций модерна, отличающихся значительным региональным разнообразием и при этом опирающихся на предшествующий опыт модерна. Вагнер рассматривает главным образом период с 1960-х годов до настоящего времени. Он подчеркивает, что в начале указанного периода преобладавшие интерпретации модерна обладали рядом сходных черт в западных демократиях, режимах советского типа и авторитар-

ных государствах Третьего мира. Для всех из них было характерно стремление к «стабилизации экономических и политических отношений, ограничению культурных различий и “замораживанию” существующей ситуации, допускающему лишь равномерные и предсказуемые изменения» [Wagner 2015: 115].

Новый этап в противостоянии различных интерпретаций модерна начинается на рубеже 1980–1990-х годов. Получает все более широкое распространение «социальное воображаемое», основанное на идеях глобализации и индивидуализации. С таких позиций между отдельным индивидом и глобальным уровнем практически отсутствуют какие-либо промежуточные институты. Вместе с тем, как утверждает Вагнер, подобная интерпретация модерна оказывается во многом неадекватной, о чем свидетельствуют экономические кризисы, экологические проблемы, конфликты по поводу исторической справедливости, обращение вспять процессов демократизации [Ibid.: 117].

118

Вагнер стремится противопоставить неолиберальному видению модерна альтернативные интерпретации, предполагающие активное политическое участие широких слоев населения. В данной связи он ссылается на процессы демократизации в странах Латинской Америки и Южной Африке. Одним из аспектов новых интерпретаций модерна выступает центральное место проблемы исторической несправедливости для самопонимания общества. Как подчеркивает Вагнер, многие государства формировали свое самопонимание на основе разрыва с собственным прошлым: колониальным правлением или военной диктатурой. Соответственно происходил процесс переосмысления исторических несправедливостей, отличавших такого рода прошлое [Ibid.: 120-121].

Вагнер характеризует политическую ситуацию, сложившуюся в Бразилии и Южной Африке к середине 2010-х годов. Он отмечает, что в обеих странах в течение ряда лет у власти находились правительства, пользовавшиеся поддержкой большинства населения и ориентировавшиеся на трансформацию общества. В ЮАР с 1994 г. правящей партией являлся Африканский национальный конгресс, выступавший совместно с Коалицией южноафриканских профсоюзов и Коммунистической партией. В Бразилии представители Партии трудящихся с 2002 г. четыре раза подряд побеждали на президентских выборах. Как указывает Вагнер, в обоих случаях правящие коалиции являлись наследниками сопротивления репрессивным режимам — апартеида в Южной Африке и военной диктатуры в Бразилии. В результате «прошлые репрессии и несправедливость и приистекающие из этого политические ожидания и требования выступали ключевым компонентом их самопонимания» [Wagner 2016: 222].

С точки зрения Вагнера, развитие политической ситуации в ЮАР по крайней мере в одном отношении напоминает опыт многих постколониальных африканских государств: «актором национального освобождения является организованная единица коллективного самоопределения, которая минимизирует роль выборов и парламента, приближая страну к режиму однопартийности» [2012: 159]. Однако, по мнению социолога, в отличие от других африканских стран правящая партия в ЮАР становится альянсом, предполагающим плюрализм мнений и публичные дискуссии. Вагнер указывает также на сохранение сильной оппозиции и на разработку на региональном уровне альтернатив правительственной политике.

Вместе с тем, как вынужден признать Вагнер [Wagner 2016: 225], длительное сохранение у власти одних и тех же политических сил в Бразилии и ЮАР привело к определенному рода «истощению политической энергии», широкой критике и протестам. Но сам факт активной политической борьбы в ходе предвыборных кампаний и уличных протестов свидетельствует, по его мнению, о достаточной степени зрелости демократических институтов в этих странах. Немецкий социолог отмечает также, что в случае Бразилии обвинения в коррупции лидеров и функционеров Партии трудящихся были отчасти обусловлены тем фактом, что данная партия никогда не имела парламентского большинства и вынуждена была приспосабливаться к реалиям бразильской политической жизни. Но, как бы то ни было, трансформационные стратегии южноафриканского и бразильского правительств «достигли своих пределов» [Ibid.: 225]. В любом случае ожидания, что ЮАР и Бразилия как представители глобального Юга укажут странам Европы пути обновления демократии, оказались необоснованными.

119

Новый поворот в бразильской политике, связанный с избранием президентом страны «южноамериканского Трампа» Ж. Болсонару, по-видимому, еще более подрывает надежды Вагнера на обновление демократии в странах глобального Юга. В то же время данное событие актуализирует веберовскую модель плебисцитарного лидерства. Избрание на пост президента Бразилии правого популиста, не имеющего опоры на влиятельные партийные структуры [Hunter, Power 2019], очевидно, ведет к усилению плебисцитарного компонента в политической жизни этого латиноамериканского государства.

Заключение

Теоретические модели веберовской социологии сохраняют актуальность для анализа политических процессов, происходящих в современном мире. Вместе с тем в ряде случаев требуется рекон-

струкция таких моделей. Это в полной мере относится к концепции плебисцитарного господства, что продемонстрировано в работах С. Бройера. Перед глазами Вебера было несколько исторических примеров плебисцитарной диктатуры, но лишь в случае французской Второй империи такой диктатуре предшествовал короткий период демократической республики. Кроме того, Вебер обратил внимание на усиление плебисцитарного элемента в британской парламентской демократии. Однако в XX столетии число политических режимов, обладавших плебисцитарными характеристиками, значительно увеличилось. При этом неоднократно наблюдалась трансформация плебисцитарной демократии в авторитарный режим. В последние несколько лет усилились плебисцитарные черты в политической жизни ряда незападных стран, как Индия и Бразилия, политическая модернизация которых рассматривалась с точки зрения концепции множественных модернов.

120

В ходе дискуссии о множественных модернах теоретические ресурсы политической социологии Вебера использовались явно недостаточно. Ш. Эйзенштадт во многом ориентировался на веберовскую социологию мировых религий, выделяя в своем анализе процессов демократизации влияние различных видов цивилизационного наследия, но не обращаясь в данном случае к модели плебисцитарного господства. В работах П. Вагнера представлена веберовская проблематика противоречивого взаимодействия развития капитализма и процессов демократизации, хотя прогрессистская ориентация концепции Вагнера не сочетается с «героическим пессимизмом» веберовской политической теории. Тем не менее современная реконструкция предложенной Вебером модели плебисцитарного господства позволяет дополнить осуществлявшийся с позиций концепции множественных модернов анализ демократизации в незападных обществах.

Библиография / References

Арнасон Й. (2015) Понимание межцивилизационного взаимодействия. *Метод*, 5: 109-123.

— Arnason J. (2015) Understanding Intercivilizational Encounters. *Method*, 5: 109-123. — in Russ.

Вагнер П. (2012) Перспективы новых обществ: Южная Африка, Бразилия и перспективы мир-социологии. *Государство. Религия. Церковь*, (1): 138-164.

— Wagner P. (2012) Perspectives of New Societies: South Africa, Brazil and the Perspectives of World-Sociology. *State. Religion. Church*, (1): 138-164. — in Russ.

Вагнер П. (2019) Макс Вебер и модерн XXI века. *Социологическое обозрение*, 18 (4): 212-230.

- Wagner P. (2019) Max Weber and Modernity of the 21st Century. *Russian Sociological Review*, 18 (4): 212-230. — in Russ.
- Вебер М. (1990) *Избранные произведения*, М.: Прогресс.
- Weber M. (1990) *Selected Works*, М.: Progress. — in Russ.
- Вебер М. (2016) *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*. Социология, М.: ИД ВШЭ.
- Weber M. (2016) *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Sociology, М.: HSE Publishing House. — in Russ.
- Медушевский А.Н. (2018) Популизм и конституционная трансформация: Восточная Европа, постсоветское пространство и Россия. *Полития*, (3): 113-139.
- Medushevsky A.N. (2018) Populism and Constitutional Transformation: Eastern Europe, Post-Soviet Space and Russia. *Politiya*, (3): 113-139. — in Russ.
- Моммзен В. (2004) Антиномии политической теории Макса Вебера. М.В. Масловский (ред.) *Социология политики: классические и современные теории*, М.: Новый учебник: 69-80.
- Mommsen W. (2004) The Antinomies of Max Weber's Political Theory. M.V. Maslovskiy (ed.) *Sociology of Politics: Classical and Contemporary Theories*, М.: New Textbook: 69-80. — in Russ.
- Beetham D. (1985) *Max Weber and the Theory of Modern Politics*, Cambridge: Polity Press. 121
- Breuer S. (1998) The Concept of Democracy in Max Weber's Political Sociology. R. Schroeder (ed.) *Max Weber, Democracy and Modernization*, London: Macmillan: 1-13.
- Breuer S. (2008) Towards an Ideal Type of Fascism. *Max Weber Studies*, 8 (1): 11-47.
- Casanova J. (2011) Cosmopolitanism, the Clash of Civilizations and Multiple Modernities. *Current Sociology*, 59 (2): 252-267.
- Chakrabarty B. (2008) *Indian Politics and Society since Independence: Events, Processes and Ideology*, London; New York: Routledge.
- Collins R. (1998) Democratization in World-Historical Perspective. R. Schroeder (ed.) *Max Weber, Democracy and Modernization*, London: Macmillan: 15-31.
- Eisenstadt S. (1997) The Paradox of Democratic Regimes: Fragility and Transformability. *Sociological Theory*, 16 (3): 211-238.
- Eisenstadt S. (2002) The Civilizations of the Americas: The Crystallization of Distinct Modernities. *Comparative Sociology*, 1 (1): 43-62.
- Eisenstadt S. (2003) *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*, Leiden: Brill.
- Eliaeson S. (1998) Max Weber and Plebiscitary Democracy. R. Schroeder (ed.) *Max Weber, Democracy and Modernization*, London: Macmillan: 47-60.
- Freston P. (2004) Evangelical Protestantism and Democratization in Contemporary Latin America and Asia. *Democratization*, 11 (4): 21-41.
- Ganguly S. (2020) An Illiberal India? *Journal of Democracy*, 31 (1): 193-202.
- Hunter W., Power T. (2019) Bolsonaro and Brazil's Illiberal Backlash. *Journal of Democracy*, 30 (1): 68-82.

Körösényi A., Illés G., Gyulai A. (2020) *The Orbán Regime: Plebiscitary Leader Democracy in the Making*, London; New York: Routledge.

Maslovskiy M. (2019) The Soviet Version of Modernity: Weberian and Post-Weberian Perspectives. *Russian Sociological Review*, 18 (2): 174–188.

Mota A., Delanty G. (2015) Eisenstadt, Brazil and the Multiple Modernities Framework: Revisions and Reconsiderations. *Journal of Classical Sociology*, 15 (1): 39–57.

Pfaff S. (2002) Nationalism, Charisma and Plebiscitary Leadership: The Problem of Democratization in Max Weber's Political Sociology. *Sociological Inquiry*, 72 (1): 81–107.

Spohn W. (2010) Political Sociology: Between Civilizations and Modernities. A Multiple Modernities Perspective. *European Journal of Social Theory*, 13 (1): 49–66.

Wagner P. (2011) From Interpretation to Civilization — and Back: Analyzing the Trajectories of Non-European Modernities. *European Journal of Social Theory*, 14 (1): 89–106.

Wagner P. (2015) Interpreting the Present: A Research Programme. *Social Imaginaries*, 1 (1): 105–129.

Wagner P. (2016) Democracy and Capitalism in Europe, Brazil and South Africa. G. Rosich, P. Wagner (eds) *The Trouble with Democracy: Political Modernity in the 21st Century*, Edinburgh: Edinburgh University Press: 212–232.

Weber M. (1994) The President of the Reich. P. Lassman, R. Speirs (eds) *Weber: Political Writings*, Cambridge: Cambridge University Press: 304–308.

122

Рекомендация для цитирования:

Масловский М.В. (2020) Веберовский анализ плебисцитарного господства и дискуссия о множественных модернах. *Социология власти*, 32 (4): 107–122.

For citations:

Maslovskiy M.V. (2020) Max Weber's Analysis of Plebiscitary Leadership and the Debate on Multiple Modernities. *Sociology of Power*, 32 (4): 107–122.

Поступила в редакцию: 19.11.2020; принята в печать: 29.11.2020

Received: 19.11.2020; Accepted for publication: 29.11.2020